

УДК 343.211.2

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(1).60-69

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА И ЛЕГИТИМАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

С.Н. Титов

*Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск,
Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

7 сентября 2016 г.

Дата принятия в печать

16 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения

2 марта 2018 г.

Ключевые слова

Термин «уголовное право»; сущность уголовного права; легитимация уголовного права; предмет, задачи, функции уголовного права

Аннотация. Статья посвящена одной из фундаментальных проблем уголовного права — его легитимации. Отмечается, что в науке данному вопросу уделяется недостаточно внимания, что приводит к бессистемному применению уголовно-правовых средств и снижению эффективности отрасли в целом. Предметом исследования выступают взгляды представителей различных философских, социологических и правовых школ на обоснование государственного насилия; источники дореволюционного, советского уголовного права; действующее российское и зарубежное законодательство; дореволюционные и современные работы по теории уголовного права. Автор ставит целью выработку целостного, непротиворечивого подхода к проблеме. Для этого обобщаются и систематизируются научные взгляды, которые анализируются с учетом философских учений и действующего отечественного и зарубежного законодательства. Автор приходит к выводу, что наиболее перспективным направлением легитимации уголовного права является обоснование государственного насилия на основе теории общественного договора. Последняя выгодно отличается тем, что исходит из баланса суверенитета личности и интересов обеспечения безопасности. Представляется, что естественным следствием указанной теории является представление об уголовном праве как о крайней мере борьбы с посягательствами. Автор рассматривает с позиции общественного договора некоторые из общих вопросов введения в уголовное право. Он обосновывает существование уголовно-правовых отношений до совершения общественно опасных деяний. Аргументируется тезис о том, что участниками этих уголовно-правовых отношений являются все члены общества. Основная задача уголовного права заключается в охране общественных отношений. Полученные результаты могут быть использованы в правоприменительной деятельности, в ходе преподавания уголовно-правовых дисциплин и в дальнейшей научной разработке проблем введения в уголовное право.

THE THEORY OF SOCIAL CONTRACT AND THE LEGITIMATION OF CRIMINAL LAW

Sergey N. Titov

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, the Russian Federation

Article info

Received

2016 September 7

Accepted

2018 February 16

Accepted

2018 March 2

Keywords

Term «criminal law»; essence of criminal law; legitimation of criminal law; object, tasks, functions of criminal law

Abstract. The paper is devoted to one of the most fundamental problems of criminal law — its legitimation. Researchers do not pay enough attention to this problem, which leads to the unsystematic use of criminal law tools and reduces the efficiency of the whole branch of law. The object of this work is the views of various philosophical, sociological and legal schools on the substantiation of state violence; the sources of pre-revolutionary, Soviet criminal law; active Russian and foreign legislation; pre-revolutionary and modern works on the theory of criminal law. The goal of the author is to work out a holistic and consistent approach to this problem. He summarizes and systematizes research ideas that are analyzed with the help of philosophical theories and active Russian and foreign legislation. The author concludes that the most prospective direction of legitimation of criminal law is the substantiation of state violence on the basis of the theory of social contract. Its advantage is that it is based on the balance between the sovereignty of the person and the interests of safety. The author believes that the natural consequence of this theory is the conceptualization of criminal law as an extreme

measure of counteracting infringements. The author examines some general aspects of the introduction to criminal law from the standpoint of social contract. He also substantiates the existence of criminal law relations before socially dangerous acts are committed and argues that the all members of a society are participating in these criminal law relations. The main task of criminal law is the protection of social relations. The obtained results can be used in law enforcement, in teaching criminal law disciplines and in the further research of the problems of introduction to the criminal law.

Повышение эффективности уголовного права предполагает выработку четких позиций по фундаментальным проблемам отрасли. Недостаточное внимание к этим вопросам приводит к бессистемности применения уголовно-правовых инструментов. Особенно это важно в настоящее время, когда отмечается кризис уголовного права, рост преступности, избыточность уголовной репрессии и ее низкая эффективность [1; 2].

Наименование «уголовное право» сочетает в себе и идею преступления, и идею наказания. Этот термин отражает роль государства как субъекта охраны жизненно важных интересов человека. Оно находится «у головы» и является единственной организацией, способной покарать преступника.

Главной особенностью уголовного права является его репрессивность. Ни одна другая отрасль не предполагает применения к гражданину актов насилия, аналогичных смертной казни или лишению свободы. Для уголовного же права наказание, наряду с преступлением, является центральной категорией. В зарубежных странах соответствующая отрасль именуется правом о преступлениях (*criminalrecht* (нем.), *criminallaw* (англ.), *droitcriminel* (фр.) от лат. *crimen* — преступление) либо правом о наказаниях (*strafrecht*, *penallaw*, *droitpenal* от лат. *poena* — наказание). В юридическом словаре Блэка даже указывается на взаимозаменяемость этих терминов [3, с. 431].

Можно сказать больше: если предположить, что охрана социальных ценностей, восстановление справедливости, предупреждение совершения общественно опасных деяний возможны без института наказания, существование уголовного права в принципе вряд ли оправданно. Так, в плане регулирования и охраны общественных отношений эта отрасль обладает свойством субсидиарности (дополнительности). Чаще всего она содействует нормальному функционированию отношений, урегулированных другими отраслями. Уголовно-правовые отношения возникают лишь как производные. Последние необходимы в крайних, экстраординарных случаях. При этом уголовное право обеспечивает

нормальное функционирование общественных отношений либо посредством угрозы наказания (в общепредупредительных отношениях), либо посредством его применения (в охранительных общественных отношениях).

Уголовное наказание является узаконенным насилием над человеком со стороны государства, а уголовный кодекс — системой норм, определяющих, в каких случаях государство вправе применить насилие к гражданам. Уголовное право в этом плане представляет собой «канализацию» государственного насилия.

В связи с этим встает вопрос о легитимации (обосновании) уголовного права. Суть данного вопроса заключается в том, имеет ли государство право применения насилия к гражданину, совершившему общественно опасное деяние, и если имеет, то на каком основании.

Исторически существовавшие подходы к решению данного вопроса можно разделить на две группы: отрицающие и обосновывающие наличие у государства данного права. Первый подход строится на следующих суждениях: 1) отрицание свободы воли, а следовательно, и возможности карать проступок; 2) отрицание существующей системы наказаний ввиду ее неэффективности; 3) отрицание права карать проступок, так как он является следствием несовершенства общества, которым руководит государство; 4) наказание является насилием, а значит, злом, с помощью которого нельзя бороться с другим злом — преступлением [4, с. 38].

Нетрудно заметить, что один из названных аргументов направлен не против уголовного наказания как такового, а против его неэффективности, что переводит дискуссию в иную плоскость. Остальные три аргумента касаются не просто права государства на наказание, а наказания в принципе. Обоснование этого мы видим либо в том, что причина преступления усматривается не в самом субъекте, а вне его, либо в невозможности искоренения насилия насилием. Данные доводы не могут быть поддержаны. Последние исследования показывают, что субъект свободен в своем волеизъявлении в той мере,

которой достаточно для привлечения его к персональной ответственности [5]. В противном случае мы неизбежно вынуждены оправдать безнаказанность преступности.

Более того, даже сторонники теории детерминизма, отрицающие свободу воли, в большинстве своем признают необходимость наказания. Они обосновывают его, например, фатальной потребностью в защите общества (иными словами, законы призваны помешать людям вредить друг другу) или способностью уголовного закона включиться в общую цепь событий и изменить волю человека [6, с. 240–241].

Что касается принципиальной характеристики уголовного наказания как зла, она далеко не бесспорна. К примеру, иногда оно рассматривается как восстановление социальной справедливости, что полностью соответствует общественным представлениям об искоренении зла [7].

Следует отметить, что утверждения об отсутствии у государства права на наказание сравнительно редко встречаются в науке. Л.С. Белогриц-Котляревский отмечал, что этих теорий так мало и их научный кредит настолько слаб, что французские и немецкие учебники уголовного права их даже не упоминают. В опровержение этих теорий он приводит пример Роберта Овена. Последний, будучи противником всякого рода наказаний, организовал в Шотландии фабрику-общину, где рабочие были участниками в доходах, основными началами общежития признавались внушение и разъяснение. Однако, несмотря на все старания, община не смогла отказаться от применения порицаний и наказаний к своим товарищам [8, с. 37–38].

Большинством исследователей, в том числе зарубежными, признается необходимость уголовного права. Отмечается, в частности, что оно является неперенным атрибутом государства, порождено потребностями современной жизни [9].

Теории, обосновывающие право государства на применение насилия к лицам, совершившим общественно опасные деяния, разнообразны. Некоторые из них исходят из того, что наказание есть проявление самой природы человека, в том числе заложенного в нем инстинкта мести. Другие находят объяснение в общественных предпосылках.

Особое внимание следует уделить теории общественного договора, или социального контракта. Она объясняет происхождение права как результат договора между членами общества. Люди соглашаются на ограничение своих

свобод, суверенитета в обмен на защиту от возможного произвола отдельных индивидов со стороны государства.

Понятие сущности государства как результата соглашения между людьми присутствует в социальной и политической философии с древних времен. По этой теории люди, находясь в «естественном состоянии», по свободному соглашению создают такой институт, который силой закона обеспечивает их естественные, данные им от рождения права и кладет начало их собственно гражданской жизни. Свое полное развитие концепция общественного договора получила у мыслителей Нового времени — Т. Гоббса, С. Пупендорфа, О. Сиднея, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо. При этом различные теоретики общественного договора по-разному трактовали естественное состояние, объем отчуждаемых прав, народный суверенитет. У Гоббса естественное состояние характеризуется «войной всех против всех». Заключение общественного договора людей заставляет страх за свою жизнь. Государство наделяется неограниченной властью. Локк создает более либеральную концепцию. Объединяясь в государство, люди передают ему только небольшую часть своих прав, сохраняя при этом суверенитет и являясь единственным источником власти.

Идея общественного договора явилась альтернативой распространенным в феодальном обществе представлениям о божественном происхождении власти. Она имела далеко идущие последствия — вплоть до оправдания низвержения абсолютных монархий в Англии и Франции, а в Северной Америке — установления конституционного республиканского строя [10, с. 681].

Общественные отношения, связанные с наказанием, несомненно, относятся к отношениям власти. Последние всегда связаны с преобладанием одной воли над другой. Эти отношения можно разделить по правилам дихотомии на два вида. Первый включает в себя насилие, происходящее без согласия объекта (то, что Гегель называл узурпацией свободной воли). Более того, это действие, на которое в принципе не может быть получено согласие тех, против кого оно направлено, ибо оно не считается с их целями, правами, интересами [11, с. 14].

Второй вид властных отношений связан с насилием, на которое получено согласие объекта. Согласие в этом случае может быть получено прямо, может подразумеваться либо могло бы быть получено в случае наличия дееспособности объекта. В частности, сюда относятся

патерналистские отношения — преобладание взрослой, родительской воли над несформировавшейся, детской волей.

Думается, что уголовно-правовое воздействие должно быть отнесено ко второму виду отношений. Конечно, подавляющее большинство преступников не готово последовать примеру Сократа и добровольно «пить чашу цикуты», когда есть возможность избежать этого. Но все же нужно признать, что государство осуществляет уголовно-правовую репрессию с согласия общества, в том числе с предварительного согласия преступника, и учитывает при этом интересы последнего. Конечно, это идеальная модель, соответствующая принципам гуманизма и справедливости уголовного права. На практике существуют искажения, отступления от нее. Но сейчас мы не ставим перед собой цель исследовать это.

Таким образом, существенным признаком уголовно-правового принуждения мы считаем согласие объектов принуждения. Только так может быть оправдано существование государственного насилия.

Этот тезис как нельзя лучше соответствует теории общественного договора. Согласно ей легитимация уголовного права выглядит следующим образом: оно существует в силу соглашения между членами общества, по условиям которого люди допускают применение к ним насилия со стороны государства в обмен на охрану от совершения отдельными личностями общественно опасных деяний.

Думается, что данный подход при должной научной разработке способен решить главную практическую задачу легитимации уголовного права: стать критерием оценки уголовно-правового запрета.

Как указывал А.Э. Жалинский, уголовно-правовая наука не располагает сведениями о реальной опасности того или иного вида поведения и образующих его отдельных деяний. Опыт объявления спекуляции, гомосексуализма, частного предпринимательства и пр. преступлениями иллюстрирует опасность этого пробела [12]. Остро стоит вопрос о выработке критериев криминализации и декриминализации деяний, комплексной оценки уголовно-правового запрета.

Теория социального контракта вызывает много возражений, но все они опровержимы.

1. Договор по определению является добровольным актом. Но может ли отдельный человек или коллектив отказаться от общественного до-

говора и заявить, что он не нуждается в охране со стороны государства, а действие уголовного законодательства на него не распространяется? Очевидно, это невозможно.

2. Договор предполагает возможность контроля за его соблюдением с обеих сторон. Однако практика показывает, что в случае с уголовным правом это правило не работает. Гражданин, передав государству часть своего суверенитета, фактически не располагает механизмами контроля за исполнением государством его части «договора». Например, о гражданине распространяются заведомо ложные сведения, порочащие его честь и достоинство (ст. 128.1 УК РФ «Клевета»). Реализовав свое право на частное обвинение, потерпевший обращается в суд с требованием привлечь виновного к уголовной ответственности. Однако в силу ошибки либо подкупа судья оправдывает обвиняемого. Налицо ненадлежащее исполнение социального контракта. Однако государство (не судья, а именно государство как сторона социального контракта), вероятно, не понесет никакой ответственности.

3. Население фактически не принимает участия в решении важнейших вопросов уголовного права, например, в процессах криминализации, декриминализации деяний. Государство в рамках своей политики само решает, какие деяния объявлять преступными, какие меры применять к виновным и т.д. Такая ситуация не соответствует общепринятым представлениям о договорных отношениях.

4. Идею общественного договора не совсем соответствует система санкций за преступления и процедура привлечения виновного к ответственности. Так, если государство решает задачу защиты личности, неясно, почему правило о примирении с потерпевшим не применимо ко всем составам преступлений, предполагающим наличие потерпевшего. То же можно сказать о делах публичного и частно-публичного обвинения. Их существование вряд ли оправданно в модели социального контракта.

Что касается первого возражения, достичь эффекта «освобождения» от покровительства государства все же возможно. Для этого человек может покинуть территорию соответствующей юрисдикции и поселиться там, где действуют законы ни одного из государств. Такой территорией является океан за пределами исключительных экономических зон. Здесь не действует юрисдикция ни одного из государств.

Некоторые исследователи и некоммерческие организации предлагают использовать это обстоятельство.

Так, довольно популярной является концепция системдинга — строительства и проживания в свободных сообществах, плавающих в открытом море вне юрисдикции какой-либо конкретной страны¹.

Другой пример: голландская некоммерческая организация «Женщины на волнах» оказывает женщинам услуги по производству абортов на судне в нейтральных водах, если в их странах данные операции запрещены².

Конечно, эти примеры являются исключительными, необычными и неприемлемыми для большинства людей вариантами обитания. Однако в обыденной жизни современный человек постоянно сталкивается с похожими ситуациями. Например, при заключении договора водопользования или газоснабжения свобода потребителя ничуть не менее прозрачна.

Полагаем, последние три из указанных выше аргументов несколько не опровергают теорию общественного договора, так как направлены не против нее в принципе, а против ее современных деформаций, негативных экстерналий. При должной научной проработанности законодательных и организационных мер и политической воле все они являются преодолимыми.

Теория социального контракта выгодно отличается тем, что исходит из баланса суверенитета личности и интересов обеспечения безопасности. Общественный договор часто рассматривается не как реальный контракт. Это гипотетическое соглашение, некая идеальная конструкция (данный вопрос подробно исследован американскими философами Р. Нозиком, Д. Роулзом). Конкретный человек может и не давать своего явно выраженного согласия на криминализацию какого-либо деяния. Требуется лишь учет его интереса. Сумма интересов членов общества и дает обоснование уголовно-правовому запрету. Так государство в рамках общественного договора получает дискреционные полномочия.

Данный подход снимает проблему доказательств «технической» возможности общественного договора.

Встает вопрос о механизме выявления интересов членов общества. Он может быть сфор-

мулирован так: каким образом при уголовно-правовом воздействии могут быть учтены интересы членов общества, если действительные чаяния каждого гражданина не могут быть доподлинно известны?

В 1785 г. Кант изложил свой знаменитый категорический императив: «Действуй только по такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом, так, как будто бы максима твоего действия по твоей воле должна сделаться всеобщим законом природы». Это правило требует рационального подхода к поведению. Именно в разумности находится источник справедливых законов и справедливых поступков [13]. Возьмем кражу. Любой средний нормальный разумный человек (как иногда говорят, «человек из автобуса») не хотел бы стать жертвой этого деяния. Соответственно, воздержание от него должно провозглашаться «максимой всеобщего поведения».

Представляется, что с этой точки зрения можно дополнить тезис о легитимации уголовного права: легитимное уголовно-правовое воздействие есть результат разумного выбора членов общества.

Будет полезным оценить некоторые категории и институты уголовного права с этой точки зрения. Думается, что это позволит внести ясность в определенные спорные вопросы введения в уголовное право.

Самостоятельность отрасли права определяется в первую очередь предметом — кругом регулируемых ею общественных отношений. Вопрос о предмете уголовного права является дискуссионным. Так, есть мнение, что предмет уголовного права не существует. Обосновывается это тем, что уголовно-правовые нормы направлены не на регулирование общественных отношений, а только на их охрану. Следовательно, раз отрасль ничего не регулирует, то предмет отрасли отсутствует по определению [14, с. 12; 15; 16, с. 4–5].

Однако данный взгляд подвергается критике [17, с. 108; 18, с. 96; 19, с. 16; 20, с. 25]. Большинство криминологов сходятся во мнении, что предмет уголовного права существует, и определяют его как круг общественных отношений [21, с. 11; 22, с. 8; 23, с. 4; 24, с. 4–5; 25, с. 7; 26, с. 12; 27, с. 9–11].

Некоторые исследователи не связывают предмет уголовного права с общественными отношениями. Они определяют его, например, как человека [28]; объекты уголовно-правовой

¹ Систейдинг. URL: ru.wikipedia.org/wiki.

² Women on Waves. URL: www.womenonwaves.org.

охраны, указанные в ч. 1 ст. 2 УК РФ [29, с. 7]; преступление и наказание [30, с. 3].

Представление о предмете уголовного права как об общественных отношениях соответствует общему учению теории права. Предмет правовой отрасли — это всегда общественные отношения, подвергающиеся охране, регулированию, видоизменению под воздействием правовых норм. Как указывал В.Д. Филимонов, противопоставление объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления теоретически необоснованно и способно принести вред: привести к подрыву важнейшего принципа уголовного права — признанию состава преступления единственным основанием уголовной ответственности [31].

Наиболее дискуссионным является вопрос о том, входят ли в предмет уголовного права отношения, возникающие между гражданами и государством в связи с введением уголовно-правового запрета, т.е. охранительные отношения по удержанию людей от совершения преступления. По-другому этот вопрос можно сформулировать так: существуют ли уголовно-правовые отношения до совершения общественно опасного деяния.

Изложенная выше концепция легитимации уголовного права позволяет положительно ответить на этот вопрос. Раз уголовно-правовое воздействие осуществляется с согласия членов общества (причем, конечно же, с предварительного согласия), то становится очевидным существование уголовно-правового отношения независимо от совершения преступлений. Содержанием этого отношения выступают взаимные права и обязанности общества и государства: первое добровольно ограничивает собственную свободу, одобряет репрессию и получает право требовать обеспечения собственной безопасности, второе обязуется обеспечивать безопасность и получает право на репрессию. В результате создается режим обеспечения уголовно-правовыми средствами социально значимых ценностей.

Интересно также проанализировать вопрос о составе субъектов этого отношения. Существует точка зрения, согласно которой уголовно-правовые отношения охватывают лишь часть общества. По мнению А.В. Наумова, общество делится на следующие категории: люди, не совершающие преступления в силу своего воспитания (независимо от наличия или отсутствия уголовного закона); люди, совершающие пре-

ступления, невзирая на грозящую уголовную ответственность; граждане, которых сдерживает от совершения общественно опасного деяния только угроза наказания. Для первых двух категорий уголовное право безразлично. Оно воздействует лишь на граждан третьей группы. Именно они выступают субъектами охранительных уголовно-правовых отношений [26, с. 12].

Это утверждение может быть подвергнуто критике. Во-первых, третья категория граждан выделена исключительно на основании социологических опросов. Другого способа установить мотивы человека, воздерживающегося от совершения преступления, вероятно, и не существует. Однако современные исследования показывают, что мнение человека о причинах своих действий далеко не всегда заслуживает доверия [32]. Человеческая деятельность сложно обусловлена. Понять причины поступков людей очень непросто, в том числе самому человеку. В связи с этим он, говоря о своем поведении, дает наиболее простое и очевидное объяснение.

Во-вторых, для вывода о том, что большая часть людей воздерживается от совершения преступлений в силу воспитания, необходима уверенность в абсолютном соответствии закона общественным представлениям о справедливости, а это вовсе не очевидно.

Концепция легитимации уголовного права через теорию общественного договора позволяет заключить, что субъектами уголовно-правового отношения являются все члены общества. Представим себе автомобильное шоссе общего пользования. Один из автомобилистов обнаруживает дефект дорожного покрытия, создающий угрозу безопасности движения. Он обращается в суд с иском к администрации об обязанности привести дорожное полотно в надлежащее состояние. Суд удовлетворяет иск. Администрация обязана выполнить ремонтные работы. Существуют ли в этом случае общественные отношения между администрацией и автомобилистами, не участвовавшими в деле? Думается, что да. Хотя бы потому, что администрация обязана учитывать интересы последних, а они, в свою очередь, вправе предъявить аналогичные требования.

Возможно, это грубая аналогия, но весьма наглядная. Она показывает, что субъектами отношений с государством являются все лица, с которыми у него существуют взаимные права и обязанности.

Человек из первой группы, выделенной А.В. Наумовым, может не испытывать на себе

уголовно-правовое воздействие, поскольку не совершает преступлений по своим убеждениям. Однако уголовно-правовые отношения с государством он имеет. Государство обязано учитывать его интересы (учет его интересов является составляющей легитимации уголовно-правовой репрессии), оно обеспечивает его безопасность, оно получает право осуществления репрессии в отношении этого гражданина в установленных законом случаях. Человек получает право требовать обеспечения безопасности, дает согласие на осуществление уголовно-правового воздействия.

Перейдем к разбору задач уголовного права. Правильное их определение способствует увеличению эффективности отрасли, так как ориентирует законодателя и правоохранительные органы действовать в едином, определяемом этими задачами направлении.

Задачи уголовного права по-разному формулировались в уголовных законах. Согласно УК РСФСР 1960 г., это только охранительная (защитительная) задача. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. называли три задачи: охранительную, предупредительную и воспитательную.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ задачами уголовного закона, а следовательно, и уголовного права являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

Значительная часть авторов учебных изданий по уголовному праву формулируют задачи уголовного права аналогичным образом [33, с. 5; 34, с. 10; 35, с. 26; 36].

С.И. Никулин из ст. 2 УК РФ выводит две задачи: охрану от преступных посягательств интересов личности, общества и государства и предупреждение преступлений. При этом первая из названных задач является основной: уголовное право выступает обеспечительной отраслью права, не вмешиваясь в регулирование общественных отношений, оно оберегает их от наиболее опасных посягательств [37, с. 7].

А.И. Чучаев говорит о трех задачах: охранительной, предупредительной и воспитательной. Последняя реализуется при применении уголовно-правовых норм. Совершение преступления вызывает негативную морально-политическую оценку со стороны не только государства, но и

членов общества [38, с. 12–15]. Его позицию воспроизводит В.Т. Гайков [39, с. 22].

А.В. Наумов говорит об охранительной задаче уголовного права как о главной, причем не только для российского права, но и для права других стран, например США. При этом он допускает также существование иных задач, в том числе воспитательной [26, с. 23–28].

Некоторыми авторами выделяются также другие задачи, в том числе регулятивная, восстановительная [40].

Зачастую задачи уголовного права отождествляются с его функциями. Так, Ю.И. Ляпунов считает возможным рассматривать задачи и функции как совпадающие понятия, поскольку основное значение функции — максимально полно обеспечить реализацию задач [34, с. 10].

А.И. Чучаев говорит о задачах и функциях уголовного права как о синонимах [33, с. 12–15].

Отождествление задач и функций представляется некорректным. Задача определяется как ситуация, которая включает в себя цель и условия, в которых она должна быть достигнута, а функция — как роль, которую выполняют различные структуры и процессы в поддержании целостности и устойчивости тех систем, частями которых они являются³.

Таким образом, функция представляет собой проявление вонне внутренних свойств предмета. В случае с уголовным правом это воздействие на сознание и волю людей, направленное на удержание их от совершения преступлений.

Теория общественного договора обосновывает выделение охраны общественных отношений от преступных посягательств как задачи уголовного права.

Отличительной особенностью человека как биологического вида является то, что люди способны объединяться в гигантские сообщества, функционирующие очень эффективно [41]. Это становится возможным благодаря существованию социальных институтов, вокруг которых возникают общественные отношения (собственность, церковь, компании, товарные знаки и т.п.). Участники последних не знают друг друга, но имеют отношения с некими общими реальностями (например, собственностью), и это делает их социумом.

Общественно опасное деяние всегда направлено на разрушение социума. Оно имеет

³ Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru.

своим следствием разрыв общественных связей, разобщение социальных групп, снижение статуса общественных отношений в пользу межличностных.

Общественный договор направлен на преодоление этих негативных явлений. В рамках социального контракта задачей государства выступает оберегание описанных выше социальных связей. Один из инструментов для этого — уголовное право.

Таким образом, выполняя свои обязательства по общественному договору, государство посредством уголовно-правового воздействия охраняет общественные отношения.

В этом проявляется обеспечительное свойство уголовного права. Дело в том, что данная отрасль не способна развивать, модернизировать, улучшать общественные отношения. Это прерогатива специального регулирования. Но уголовное право может создать условия для такого развития, обеспечивая безопасность, неприкосновенность этих отношений.

Что касается иных задач, справедливость их декларирования подвергается обоснованной критике. Так, регулирование (от лат. *regulare* — приводить в порядок, налаживать) всегда целенаправленное изменение общественных отношений. Уголовное право же не изменяет их, а только оберегает. Если признать за ним регулятивную задачу, это приведет к стиранию граней между уголовным правом и

иными его отраслями (гражданским, экологическим, трудовым и др.).

Вряд ли обоснованно выделение предупреждения преступлений как самостоятельной задачи, так как по своей сути оно совпадает либо является частью охранительной задачи.

Воспитание так же едва ли можно признать задачей уголовного права. Во-первых, задача по определению должна иметь границы, быть измеримой. Например, если преступления не совершаются, значит, охранительная задача решена, если совершаются, то решена лишь отчасти, причем степень ее решенности может быть указана количественно. В случае с воспитанием это невозможно. Во-вторых, воспитательная задача наиболее эффективно решается во время назначения и исполнения наказания. Однако необходимость наказания возникает, только если не решена задача охраны. Таким образом, чем менее эффективно решается задача охраны, тем более эффективно решается задача воспитания. Такая система задач в рамках одной отрасли права вряд ли может быть признана нормальной [40].

В рамках журнальной статьи невозможно разобрать все основные институты уголовного права с позиции общественного договора, но вывод очевиден: эта теория позволяет не только обосновать существование уголовного права, но и внести ясность во многие спорные вопросы этой отрасли.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Krise des Strafrechts und der Kriminalwissenschaften?* / Hrsg. H.J. Hirsch. — Berlin : Duncker&Humblot, 2001. — 391 S.
2. Roxin C. Zur Entwicklung des Strafrechts im kommenden Jahrhundert / C. Roxin // *Aktuelle Probleme des Strafrechts und der Kriminologie* / Hrsg. E. Plywaczewski. — Bialystok : Femida 2, 1998. — S. 443–472.
3. Garner Bryan A. *Black's Law Dictionary* / Bryan A. Garner. — 9th ed. — West Group, 2016. — 890 p.
4. Пудовочкин Ю. Легитимация уголовного права / Ю. Пудовочкин // *Уголовное право*. — 2007. — № 6. — С. 38–42.
5. Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Шевелева. — Курск, 2015. — 403 с.
6. Гольбах П.А. Избранные произведения : в 2 т. / П.А. Гольбах ; под ред. Х.Н. Момджяна. — М. : Мысль, 1963. — Т. 1 : Система природы, или О законах мира физического и мира духовного. — 718 с.
7. Блувштейн Ю.Д. Уголовное право и социальная справедливость / Ю.Д. Блувштейн. — Минск : Университетское, 1987. — 63 с.
8. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / Л.С. Белогриц-Котляревский. — Киев : Юж.-Рус. Книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1903. — 628 с.
9. Naucke W. *Rechtsphilosophische Grundbegriffe* / W. Naucke, R. Harzer. — 5. Aufl. — München : Wolters Kluwer, 2005. — 164 S.
10. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / гл. ред. В.С. Степин [и др.]. — М. : Мысль, 2010. — Т. 1. — 744 с.
11. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / гл. ред. В.С. Степин [и др.]. — М. : Мысль, 2010. — Т. 3. — 692 с.
12. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 400 с.
13. Perelman Ch. *Les Trois Aspects de la Justice* / Ch. Perelman // *Revue Internationale de Philosophie*. — 1957. — № 41/3. — P. 344–362.
14. Пионтковский А.А. Преступление / А.А. Пионтковский // *Курс советского уголовного права* : в 6 т. / редкол. : А.А. Пионтковский, Р.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. — М. : Наука, 1970. — Т. 2. — 516 с.
15. Смирнов В.Г. Правоотношения в уголовном праве / В.Г. Смирнов // *Правоведение*. — 1961. — № 3. — С. 89–96.

16. Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация / Б.Т. Разгильдиев. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1993. — 232 с.
17. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 1 / Н.С. Таганцев. — СПб. : Гос. Тип., 1887. — 394 с.
18. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. — 319 с.
19. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. — М. : Юриспруденция, 1997. — 563 с.
20. Пудовочкин Ю.Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Ю.Е. Пудовочкин, С.С. Пирвагидов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 297 с.
21. Уголовное право Российской Федерации : в 2 т. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. — М. : Инфра-М, 2003. — Т. 1 : Общая часть. — 623 с.
22. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. — М. : Юристъ, 1999. — 480 с.
23. Российское уголовное право. Общая часть / К.Л. Акоев [и др.] ; под ред. М.П. Журавлева. — М. : Спарк, 2000. — 480 с.
24. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. — М. : Проспект, 2003. — 243 с.
25. Российское уголовное право : в 2 т. / под ред. А.И. Рарога. — М. : Профобразование, 2004. — Т. 1 : Общая часть. — 320 с.
26. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций : в 2 т. / А.В. Наумов — М. : Юрид. лит., 2004. — Т. 1 : Общая часть. — 496 с.
27. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть / Р.Р. Галиакбаров. — Краснодар : КубГАУ, 1999. — 280 с.
28. Разгильдиев Б.Т. Предмет уголовного права / Б.Т. Разгильдиев // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2002. — С. 22–24.
29. Иванов В.Д. Уголовное право. Общая часть / В.Д. Иванов. — Ростов-н/Д. : Феникс, 2002. — 326 с.
30. Игнатов А.Н. Курс российского уголовного права : в 2 т. / А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. — М. : Норма : Инфра-М, 2001. — Т. 1. — 560 с.
31. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права / В.Д. Филимонов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 198 с.
32. Росс Л. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт. — М. : Аспект Пресс, 1999. — 429 с.
33. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. — М. : Инфра-М : Контракт, 2007. — 685 с.
34. Уголовное право : учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. — М. : Юриспруденция, 2008. — 635 с.
35. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и особенная части : учеб. пособие / В.В. Сверчков. — М. : Юрайт, 2012. — 631 с.
36. Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть : в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М. : Зерцало, 2002. — Т. 1. — 522 с.
37. Уголовное право. Общая и особенная части : учебник / под ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. — М. : Норма, 2008. — 576 с.
38. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. — М. : Эксмо, 2010. — 496 с.
39. Уголовное право : учебник : в 2 т. / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. — М. : Юрайт, 2012. — Т. 1 : Общая часть. — 635 с.
40. Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Б.Т. Разгильдиев. — М., 1994. — 36 с.
41. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю.Н. Харари. — М. : Синдбад, 2016. — 520 с.

REFERENCES

1. Hirsch H.J. (Hrsg.). *Krise des Strafrechts und der Kriminalwissenschaften?* Berlin, Duncker&Humblot, 2001. 391 S.
2. Roxin C. Zur Entwicklung des Strafrechts im kommenden Jahrhundert. In Plywaczewski E. (Hrsg.). *Aktuelle Probleme des Strafrechts und der Kriminologie*. Bialystok, Femida 2, 1998, S. 443–472. (In German).
3. Garner Bryan A. *Black's Law Dictionary*. 9th ed. West Group, 2016. 890 p.
4. Pudovochkin Yu. Legitimization of Criminal Law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2007, no. 6, pp. 38–42. (In Russian).
5. Sheveleva S.V. *Svoboda voli i prinuzhdenie v ugovnom prave*. Dokt. Diss. [Free will and compulsion in criminal law. Doct. Diss.]. Kursk, 2015. 403 p.
6. Gol'bakh P.A.; Momdzhyan Kh.N. (ed.). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Mysl Publ., 1963. Vol. 1. 718 p.
7. Bluvshstein Yu.D. *Ugolovnoe pravo i sotsial'naya spravedlivost'* [Criminal Law and Social Justice]. Minsk, Universitetskoe Publ., 1987. 63 p.
8. Belogric-Kotlyarevskii L.S. *Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i Osobennaya chast'* [Russian criminal law educational book. General and special parts]. Kiev, 1903, 628 p.
9. Naucke W., Harzer R. *Rechtsphilosophische Grundbegriffe*. 5. Aufl. München, Wolters Kluver, 2005. 164 S.
10. Stepin V.S. (ed.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl Publ., 2001. Vol. 1. 744 p.
11. Stepin V.S. (ed.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl Publ., 2001. Vol. 3. 692 p.
12. Zhalinskii A.E. *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyi analiz* [Criminal Law is Waiting for Changes: a Theoretical and Instrumental Analysis]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p.
13. Perelman Ch. Les Trois Aspects de la Justice. *Revue Internationale de Philosophie*, 1957, no. 41/3, pp. 344–362.
14. Piontkovskii A.A. *Crime*. In Piontkovskii A.A., Romashkin P.S., Chkhikvadze V.M. (eds). *Kurs sovetskogo ugovnogo prava* [Soviet Criminal Law Course]. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2. 516 p.
15. Smirnov V.G. Legal Relationships in Criminal Law. *Pravovedenie = Legal Studies*, 1961, no. 3. pp. 89–96. (In Russian).
16. Razgildiev B.T. *Zadachi ugovnogo prava Rossiiskoi Federatsii i ikh realizatsiya* [Tasks of the Criminal Law of the Russian Federation and their Implementation]. Saratov State University Publ., 1993. 232 p.

17. Tagantsev N.S. *Leksii po russkomu ugovnomu pravu. Chast' obshchaya* [Lectures in Russian Criminal Law. General Part]. Saint Petersburg, 1887. Iss. 1. 394 p.
18. Durmanov N.D. *Sovetskii ugovnyi zakon* [Soviet criminal law]. Lomonosov Moscow State University Publ., 1967. 319 p.
19. Vetrov N.I., Lyapunov Yu.I. (eds). *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 1997. 563 p.
20. Pudovochkin Yu.E., Pirvagidov S.S. *Ponyatie, printsipy i istochniki ugovnogo prava: sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [Definition, principles and sources of criminal law: comparative and legal analysis of Russian and CIS legislation]. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentri Press Publ., 2003. 297 p.
21. Inogamova-Khegai L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. (eds). *Ugovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Criminal law of the Russian Federation]. Moscow, Infra-M Publ., 2003. Vol. 1. 623 p.
22. Zdravomyslov B.V. *Ugovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal law of the Russian Federation. General part]. Moscow, Yurist Publ., 1999. 480 p.
23. Akoev K.L., Akhmetshin Kh.M., Belyaev A.E., Borovikov V.B.; Zhuravlev M.P. (ed.). *Rossiiskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Moscow, Spark Publ., 2000. 480 p.
24. Rarog A.I. (ed.). *Ugovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Moscow, Prospekt Publ., 2003. 243 p.
25. Rarog A.I. (ed.). *Rossiiskoe ugovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Moscow, Profobrazovanie Publ., 2004. Vol. 1. 320 p.
26. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2004. Vol. 1. 496 p.
27. Galiakbarov R.R. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ., 1999. 280 p.
28. Razgildiev B.T. The object of criminal law. *Predmet ugovnogo prava i ego rol' v formirovanii ugovnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [The Object of Criminal Law and its Role in Forming the Legislation of the Russian Federation]. Saratov State Academy of Law Publ., 2002, pp. 22–24. (In Russian).
29. Ivanov V.D. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2002. 326 p.
30. Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. *Kurs ugovnogo prava* [A Course of Criminal Law]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2001. Vol. 1. 560 p.
31. Filimonov V.D. *Okhranitel'naya funktsiya ugovnogo prava* [Protective Function of the Criminal Law]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 198 p.
32. Ross Lee, Nisbett Richard E. *The Person and the Situation: Perspectives of Social Psychology*. New York, McGraw-Hill, Inc., 1991. 288 p. (Russ. ed.: Ross Lee, Nisbett Richard E. *Chelovek i situatsiya. Perspektivy sotsial'noi psikhologii*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 429 p.).
33. Inogamova-Khegai L.V., Rarog A.I., Chuchayev A.I. (eds). *Ugovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* [Criminal law of the Russian Federation. General part]. Moscow, Infra-M Publ., Kontrakt Publ., 2007. 685 p.
34. Vetrov N.I., Lyapunov Yu.I. (eds). *Ugovnoe pravo* [Criminal law]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2008. 635 p.
35. Sverchkov V.V. *Ugovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal law. General and Special parts]. Moscow, Yurait Publ., 2012. 631 p.
36. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (eds). *Kurs ugovnogo prava. Uchenie o prestuplenii. Obshchaya chast'* [A Course in Criminal Law. Theory of Crime. General Part]. Moscow, Zertsalo Publ., 2002. Vol. 1. 522 p.
37. Zhuravlev M.P., Nikulina S.I. (eds). *Ugovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal law. General and Special parts]. Moscow, Norma Publ., 2008. 576 p.
38. Rarog A.I. (ed.). *Ugovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 496 p.
39. Podroikin I.A., Seregin E.V., Ulezko S.I. (eds). *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part]. Moscow, Yurait Publ., 2012. Vol. 1. 635 p.
40. Razgildiev B.T. *Zadachi ugovnogo prava Rossiiskoi Federatsii i ikh realizatsiya. Avtoref. Dokt. Diss.* [Tasks of the criminal legislation of the Russian Federation and their implementation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 1994. 36 p.
41. Kharari Yu.N. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A Brief History of Humanity]. Moscow, Sindbad Publ., 2016. 520 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титов Сергей Николаевич — доцент кафедры уголовного права и криминологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова, кандидат юридических наук, г. Ульяновск, Российская Федерация; e-mail: s.n.titov@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Titov, Sergey N. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ph.D. in Law, Ulyanovsk, the Russian Federation; e-mail: s.n.titov@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Титов С.Н. Теория общественного договора и легитимация уголовного права / С.Н. Титов // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 1. — С. 60–69. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).60-69.

FOR CITATION

Titov S.N. The theory of social contract and the legitimation of criminal law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 60–69. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).60-69. (In Russian).